

БИБЛИОТЕКИ ЦЕРКОВНЫХ ИЕРАРХОВ В УСТЮЖСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XVII в.

Ситуация остроконфликтной борьбы, которая происходила в культурной жизни России последней четверти XVII в. между традиционалистами и реформаторами, в равной степени была характерна как для центральных районов, так и для окраинных земель. В это время особенно активизируются севернорусские области, которые можно рассматривать как своеобразные культурные центры.

В Устюжском крае, районе Центрального Поморья, хозяйство и культура переживают в XVII в. периода расцвета. Великий Устюг становится крупным торгово-экономическим центром, в котором пересеклись две главные торговые артерии страны: Северный (Архангельский) и Сибирский пути. Русский Север, и в том числе Устюжский край, становится прибежищем огромного миграционного потока населения, который был вызван расколом в русской церкви. Возросшее значение города Великого Устюга и сильное влияние старообрядческого движения в северных областях приводит к тому, что в 1682 г. в Устюжском крае была учреждена епархия. Все это наложило отпечаток на культурное развитие Великоустюжского края.

В книжной культуре Великого Устюга в этот период намечаются сдвиги. Наряду с традиционными формами бытования и распространения книги (в монастырях и церквях) можно отметить появление частных собраний и слоя городской посадской литературы (например, повесть о Савве Грудцыне, Служба кабаку и др.). Происходят изменения и в структуре традиционных книжных собраний: значительно увеличивается количество печатных книг, в то время как доля рукописных уменьшается, репертуар монастырских и церковных собраний все более унифицируется, а тематический диапазон частных собраний расширяется, становится разнообразнее, более четко выражает индивидуальные вкусы владельцев. Если в церковных и монастырских собраниях книжный репертуар в основном ограничивался обычным кругом богослужбной и житийной литературы, сочинениями отцов церкви и текстами священного писания, то в частных собраниях можно выделить названия книг по исторической, юридической, "научно"-богословской, географической тематике.¹ Кроме того, эти вновь возникшие типы библиотек отличались от традиционных и функционально.

Покажем это на материале книжных коллекций двух крупных церковных деятелей конца XVII в. — Александра епископа Вятско-

го и Александра архиепископа Устюжского. В научной литературе почти ничего не известно об этих библиотеках. Сведения о книгах Александра Вятского (их перечень) попали в литературу благодаря публикации В.И.Срезневским отрывков из “Кормовой книги” Николо-Коряжемского монастыря²; этот перечень упоминает Н.К.Никольский в “Материалах для словаря владельцев рукописей, писцов, переписчиков...”³ О библиотеке другого иерарха, архиепископа Александра Устюжского, мы узнаем из публикации Н.Румовским “Копии с духовного завещания”⁴, сведениями которого также пользовался Н.К.Никольский.⁵ Характеристика данных собраний пополняет наши представления о книжной культуре конца XVII в. и дополняет материалы монографии С.П.Луппова.⁶

Кратко остановимся на характеристике личностей владельцев. Александр Вятский (1603-1679), уроженец Подмонастырской слободы Николо-Коряжемского монастыря, постриженник того же монастыря, затем в 1647-1651 гг. казначей и игумен. С 1651 по 1655 г. архимандрит Спасо-Каменного монастыря, в котором он впервые сталкивается с деятелями старообрядческого движения, сосланными туда Никоном. В 1655 г. рукоположен в сан епископа Коломенского и Каширского, с 1657 — епископ Вятский и Великопермский. В 1674 г. принимает схиму и удаляется на покой в Николо-Коряжемский монастырь.

Александр Вятский был заметной фигурой в разгоревшейся в конце 50-х — 60-е гг. церковной борьбе. Формально оставаясь в лоне официальной церкви и внешне приняв никоновскую реформу, он тем не менее был одним из ее противников среди членов старого епископата: отказался от ответов на вопросы царя Алексея Михайловича относительно церковной реформы и занялся критическим анализом текста новоисправленных книг. Эта деятельность Александра остается пока неисследованной. Неоднократно отмечался тот факт, что епископ Вятский в этот период был особенно дружен с деятелями церковной оппозиции — Иваном Нероновым, дьяконом Федором, бывшим игуменом Феоктистом и др. Однако, характеризуя позицию Александра периода раскола, следует отметить, что это была позиция не активного борца-политика, а скорее ученого-богослова.⁷ О последних пяти годах жизни Александра Вятского на покое в Коряжемском монастыре нам почти ничего не известно. Можно отметить только, что в это время там строятся каменные здания монастырских храмов и примерно тогда же составляются житие и сказание о местночтимых святых Логгине Коряжемском и Христофоре.

Деятельность другого церковного иерарха, архиепископа Александра в Устюжском крае, после вступления его в управление епархией, начинается рядом служебных дел, рассматриваемых в архиепископской канцелярии: об исправлениях в новопечатном Третьебрании, о розыске и поимке старообрядцев.⁸

Из кратких биографических данных, дошедших до нас, мы узнаем, что Александр Устюжский был уроженцем Углича, в архиепископы хиротонисан из архимандритов Иосифо-Волоколамского монастыря (1685)⁹, отличавшегося последовательной поддержкой всех правительственных мероприятий.

В административно-хозяйственной и культурной жизни Великого Устюга Александр за свои годы правления (1685-1699) оставил глубокий след. При нем были расширены территориальные владения епархии, благодаря включению в ее состав Яренского уезда, ранее находившегося в пределах Вятской и Великопермской епархий; начато дело в отношении выбора церковных старост и распределения доходов с церковью мирского строения. По его инициативе многие из деревянных храмов Великого Устюга перестраиваются в каменные. Все эти факты указывают на то, что Александр Устюжский был весьма деятельным реорганизатором церковной жизни в крае.

Дошедшие до нас сведения о книжных собраниях этих церковных иерархов отражают идейно-культурную ориентацию каждого, принадлежность к различным лагерям в условиях непримиримой борьбы реформаторов и традиционалистов и характеризуют личные качества и интересы этих деятелей.

“Кормовая книга” Николо-Коряжемского монастыря фиксирует три книжных вклада в монастырь, сделанные Александром Вятским: в 1657 г. — 4 книги, в 1663 — 2 и в 1674 г. — 30 книг; последний вклад, очевидно, представлял собой большую часть его личной библиотеки.¹⁰

Тематически библиотека Александра состояла из книг богослужбных и толкований на книги священного писания, например, толковая псалтырь Афанасия Великого “Книга песни песней толковая” (Феодорита епископа Кирского), сочинений отцов церкви: Георгия Писиды, Дионисия Ареопагита, Поучения на апостольские деяния Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Беседовника. Хорошо представлены полемические сочинения, особенно те, которые пользовались большим доверием у кружка боголюбцев Ивана Неронова и старообрядцев — Максима Грека, его ученика Зиновия Отенского, книга Иосифа Волоцкого (Просветитель), книга “Якова Жидовина”, Житие Ефросина Псковского, Повесть о новгородском белом клобуке. Книги житийного и дидактического характера были представлены современной печатной продукцией: Поучение Иосифа патриарха (печ.?), Служба и житие преподобного Иоасафа Каменьского, Анфологион Арсения Грека (М., 1666); из исторической тематики — “книга харатейная Криница” (Хроника Георгия Амартола), “Степенная книга” и выписки из нее; по церковному праву — “Стоглав Макария митрополита”. Среди вкладных книг Александра имелись книги учебной, “филологической” тематики: “Лексикон”, “Грамматика”, “Алфавит”, “Риторика”, “Диалектика 73 глав”.

Из общего количества книг (36) печатных было всего 9. Рукописные книги, как это видно из описания в “Кормовой книге”, различались по формату и технике письма: “скорописные”, “писаны мелким полууставом”, “книжного письма”, просто “писанные” и “писанные метью” (термин источника). Иногда писец указывал источник, с которого книга скопирована. Фигурируют в основном три указания: “с книг митрополита Макария” (или Киприана), или “с печатной”. На сегодняшний день выявлено 8 книг Александра. В Устюжском собрании БАН хранятся “Чиновник архиерейского служения” (N 25, в 4-ку, полуустав, 2-я пол. XVII в.; полууставное письмо этой рукописи очень похоже на печатный шрифт); “Дионисий Ареопагит” (N 71, в лист, полуустав, скоропись, 2-я пол. XVII в.); в ГПБ — “Книга, глаголемая риторика”, (Q. XV. N 80, в 4-ку, скоропись, 73 л.)¹¹; рукописный сборник (Q. I N 254, в 4-ку, полуустав, 2-я пол. XVII в., 338 л.), — во вкладной записи по листам рукопись названа “Зиновиевою, ученика Максимова”, в состав ее входят различные богословские статьи о существе безначального бога и Троицы, о начертании бога, послание Афанасия Александрийского ко Антиоху князю, послание старца Арсения Троицкого, история о белом клобуке и т.д.; в бывшей миссионерской библиотеке Екатеринбурга, по сведениям Н.К. Никольского, имелся рукописный “Стоглав” XVII в. Александра; в собрании Киево-Софийского собора сохранилось также две рукописи Александра Вятского: “Истины показание к вопросившим о новом учении инока Зиновия Отенского” (N 322, в лист, XVII в., 570 л.); “Провсвитель святого Иосифа Волоцкого” (N 320, в 4-ку, 1-я пол. XVII в., 348 л.)¹² В рукописном собрании Эрмитажа хранится пергаменный список хроники Георгия Амартола конца XIV — начала XV в.6 с владельческой записью Александра Вятского (по сведениям В.П. Будорагина); в собрании Егорова N 250 ГБЛ, по сообщениям А.Т. Шашкова, хранится сборник сочинений Максима Грека, по классификации Синицыной в 151 главу.¹³ Все эти рукописи идентифицируются с соответствующими книгами из перечня “Кормовой книги”. На основании палеографических особенностей рукописей БАН и ГБЛ можно сделать следующие выводы: во-первых, внешнее оформление книг и украшения верхней крышки переплета, тиснения на коже выполнены в одной стилевой манере (верхняя крышка переплета обрамлена четырьмя орнаментальными рамками, в середине орнаментальный ромб, каждый элемент тиснения идентифицируется с отдельными элементами тиснений, характерными для внешнего оформления книг на Московском печатном дворе).¹⁴ Во-вторых, почти все книги были переписаны в период 50-70-х гг. XVII в. скорописью и полууставом. Причем, вполне вероятно, что рукописи БАН (Уст. 71) и ГБЛ (Q. I. 254) переписаны одной рукой (или по крайней мере двумя писцами, работающими в очень близкой каллиграфической манере). В-третьих, подтверди-

лись сведения “Кормовой книги”, что источниками переписи являлись рукописи митрополитов Макария и Киприана: Дионисий Арнопагит (Уст. 71), как нам удалось установить на основании одинакового последования глав текста, его оформления (одинаковый характер воспроизведения глосс и т.п.), переписывался (и, возможно, редактировался самим Александром) с Киприанова списка конца XVI в. (ГБЛ, МДА фонд. [ф.173], N 144). В этом можно видеть проявление сознательной ориентации Александра Вятского на древнюю книжную традицию.

Следует также отметить, что для книг Александра вообще характерно множество помет и исправлений в тексте, многие из них носят характер редакционной правки, в особенности мест толкования христианских догматов веры. Все это представляет богатый материал для исследования. Большое значение Александр придавал текстологической и орфографической точности текста (исправления сделаны почти всегда рукой переписчика).

Наличие вложенных Александром Вятским учебных книг, с большой полнотой представляющих круг известных тогда на русском языке книг этой тематики¹⁵, свидетельствует о гуманитарных интересах их владельца. В этом смысле творческая деятельность Александра была похожа на деятельность филолога-богослова, и оставшаяся часть его личной библиотеки отражает эту сторону личных интересов Александра. Что касается проблем комплектования библиотеки, то многие книги, очевидно, переписывались специально для Александра. Возможно, перепиской и редактированием занимался сам владелец или 1-2 писца из его окружения.

Библиотека Александра Устюжского представляет интересы и вкусы церковного и культурного деятеля иного склада и направленности. В “Копии с духовного завещания” 1699 г., известного нам благодаря публикации Н.Румовского (нынешнее местонахождение этого документа неизвестно), Александр завещает свои келейные книги (общее количество 59, из них 34 рукописные) Успенскому собору: “... приказываю исправить по души своей, и по родителям своим отцу моему духовному игумену Филарету да ключарю Иоанну из келейной своей казны... в собор Пресвятая Богородицы честнаго и славнаго ея Успения в вечное поминаение... да книги свои, келейные печатные и письменные...”¹⁶

Кроме сравнительно небольшого количества богослужбных (в основном печатных) книг в библиотеке Александра Устюжского наиболее полно представлены разделы: церковная публицистика, гражданское и церковное право, учительная и житийная литература, писания отцов церкви и библейские книги, книги исторического содержания (“история” [?], “хронограф” [?], “Барониуш на 12 веков”, “Зрелище жития человеческого”, “О царствиях всяких”), естественно-научная и географическая литература. Словари и

учебные книги, в отличие от библиотеки Александра Вятского, представлены только Лексиконом (печатная) и Алфавитом.

Как видно из перечня названий книг келейной библиотеки Устюжского архиепископа, в ней значительное место занимали книги переводные с латинского, польского и немецкого языка (“Зерцало вся земли”, “Барониуш”, “Зрелище жития человеческого”, “Луцидариус” и т.п.), сочинения Симеона Полоцкого (“Жезл правления”, “Вечеря душевная”, “Обед душевный”, “Псалтырь на виршах”) и современной книжной продукции, как печатной, так и рукописной (“Мир с богом человеку” Иннокентия Гизеля, “Зерцало великое”, “Космография”, “Книга о вере и пресвятой троицы”, “О святой горе Афонстей” и т.п.). Все это свидетельствует о совсем иной культурной направленности ее владельца и ставит его в один ряд с теми деятелями конца XVII в., кто представлял лагерь “западников” (например, братья Лихуды, Симеон Полоцкий и др.).

Основным путем комплектования келейной библиотеки, в особенности “печатной” ее части, была покупка книг с Московского Печатного двора и казенное пожалование. Что касается рукописной ее части, то мы имеем прямые документальные свидетельства о переписке книг для Александра. Так, в “памяти” от 28 июля 1690 г. из архиерейского приказа к архимандриту Введенского монастыря Сольвычегодска Варлааму сообщается: “... преосвященному архиепископу ведомо учинилось, что у вас у Соли в соборной церкви есть книга Козмы Индикоплова, и как к тебе сей архиерейский указ придет, и ты б тою книгу, взяв у ключарей и с росписью прислал ее на Устюг к преосвященному архиепископу для списания”.¹⁷

На основании документальных данных и целого ряда палеографических примет (орнаментальных рамок, заставок в стиле барокко, полууставной манеры письма, тиснений на коже переплета и т.д.) сохранившихся рукописных книг Александра (см.: Устюжское собрание БАН — 19 единиц и ИОЛДП N 3913) можно констатировать, что при дворе архиепископа существовали писцы, специально предназначенные для переписки книг. Имена их пока установить не удалось.

Внешнее оформление книг Александра, за исключением 5 рукописей, выполнено в одной стилевой манере: верхняя крышка переплета украшена по бокам тисненой орнаментальной рамкой с овалом посередине, иногда рисунком, характерным для тиснений на книгах Московского Печатного двора.¹⁸

Из 20 рукописных книг, несомненно относящихся к келейной библиотеке Александра, судя по владельческим записям на них, самой ранней по времени приобретения, очевидно, является книга “Небо новое” Иоанникия Голятовского (Уст. 18) — владельческая запись по листам книги показывает, что она принадлежала Александру, когда он еще был архимандритом Иосифова монастыря.

Перейдем непосредственно к анализу основного круга рукопис-

ных книг келейной библиотеки. Все книги, сохранившиеся в Устюжской коллекции БАН, владельческая запись разделяет по времени их поступления к Александру на два периода: до 1692 г. (№ 1, 6, 7, 10, 11, 13, 17 и 24) и между 1692 и 1699 гг. (остальные 11 — рукописи). Следовательно, учет (или ревизия) келейных книг Александра за годы его правления епархией проводился дважды.

До 1692 г. библиотека комплектовалась из различных источников. Из 8 рукописных книг 2 явно устюжского происхождения: “Толкование книги Иова Олимподиора дьякона Александрийского” была переписана в 1672-1673 гг. Андреем Саввиновичем, духовником царя Алексея Михайловича, протопопом Благовещенского собора.¹⁹ Книга “Творения Дионисия Ареопага” XVI в., судя по некоторым владельческим записям на ней, принадлежала одному из монастырских иноков, до того как попала к Александру.

Остальные 6 рукописей, помеченные 1692 г., особых примет не имеют. Книга “Великое зеркало” была переписана для Александра тем же писцом, что и № 18. На основании этих фактов мы можем предположить, что у него уже в начальный период правления был свой штат переписчиков в количестве 2—3 человек, причем один из них состоял при нем еще тогда, когда он был архимандритом.

Другая группа рукописей, датируемая по владельческой записи 1699 г., насчитывает 11 книг. Две из них не устюжского происхождения. “Правила церковные, собранные иноком Матфеем”, судя по записи, переписаны в 1687 г. в Серпухове монахом Высотского монастыря Иннокентием. Вторая книга также не имеет аналогий по характеру почерка и оформления — Алфавит (Уст. 23), содержащий “сказание иностранным речам, кои обретаются во святых книгах, иже не переведены на русский язык, начало именуши алфавит, по-гречески — азбуковник”. Благодаря сохранившимся записям владельца (“чернецу Андронику 1670”), а также о продаже книги в 1671 г. (“Юрю”), можно судить, что ее не мог переписывать ни один из писцов Александра.

Остальные 9 рукописей принадлежат местному письму. “Творения Дионисия Ареопагита” (Уст. 8) является точной копией с книги “Дионисия Ареопагита” XVI в. (Уст. 7), но отличалась от книги, которая находилась в распоряжении Александра Вятского (Уст. 71); “Правила церковные святых апостолов и соборов” (Уст. 3); “Катехизис православный” (Уст. 26); “Епистолии божественных и священных правил Константина Арменополя” (Уст. 4); “Пчела” (Уст. 16). В содержательном аспекте дополняют наши представления о репертуаре рукописной части собрания Александра историческое сочинение “Церковная история Барония на 12 веков”, перевод с польского (Уст. 12), а также “Хождение Трифона Коробейникова”, состоящее из двух его хождений (очевидно, одна из поздних редакций), и “Проскинитарий” Арсения Суханова (Уст. 22). Внешнее оформление книг, характер тиснения и цвет ко-

жи позволяют говорить об одной стилевой манере, что характерно и для других устюжских рукописей из библиотеки Александра, написаны они также на однотипной бумаге конца XVII в. (филиграни “герб Амстердама” и “голова шута”). Наблюдения над почерками устюжских рукописей Александра позволяют разбить их на четыре группы. К первой, самой многочисленной, следует отнести рукописи, переписанные одной рукой или двумя писцами, долго работавшими вместе (N 1, 11, 13 — до 1692 г., N 3, 4, 8, 12, 16), вторую составляют книги N 10, 17, 24, 27 (до 1692 г.) и 22; третью — N 21 и четвертую — N 10 и 26 (скорописью).

Таким образом, можно предположить, что при архиерейском дворе в распоряжении Александра для переписывания книг находилось примерно 3-4 писца. Однако говорить о существовании при архиерейской “переписной книжной мастерской” преждевременно, так как мы не имеем для этого достаточных оснований.

При анализе характера помет в рукописях Александра их можно разделить на несколько групп. К первой группе таких помет можно отнести “исправления” описок писца при переписывании. Такого рода пометы на полях имеют многие рукописи. Редакторская правка рукописных книг Александра весьма редка, к ней, в частности, можно отнести исправления фактического характера (N 2, 6, 21). Последняя группа помет на полях вызывает наибольший интерес (N 2, 6, 7, 10-12, 17). Эти пометы (“зри” и др.) обычно стоят напротив того места в тексте, которое, видимо, особенно хотел подчеркнуть читатель, или отметить в памяти, причем сделаны они в основном на книгах философско-богословского и исторического содержания. В “Церковной истории Барония” пометы на полях имеют характер краткого резюме к тексту (“Иоанн в темницу посажен”, “начало чудесам христовым” и т.п.); в книге Козьмы Индикоплова также встречаются пометы богословско-“исторического” характера (“от Адама до потопа лет 2262” и т.д.). Кроме того, в рукописях множество помет, которые указывают на общий “научно-ведческий” интерес читателя (например, “и от Селы родися един Фовель имянем; и сеи показа меди повальную хитрость, железо имети...” — Уст. 10). В книге “Правил церковных, собранных иноком Матфием” (Уст. 2) пометы на полях сделаны против тех мест текста, где говорится об основных правилах жизни христианина и жизни церковных иерархов. В “Толковании книги Иова Олимпиодора дьякона Александрийского” (N 6) пометы имеют общий философско-богословский характер. На основании анализа помет, сделанных по полям рукописных книг Александра, можно заключить, что познание и объяснение мира было основано скорее на рационалистических началах в духе тех общественно-исторических и культурных взглядов, которые представляли в России на рубеже веков последователи западно-европейской ориентации, и отличались от мировоззрения Александра Вятского, как старались мы показать.

Хотя келейная библиотека Устюжского иерарха уступала по количеству и разнообразию репертуара известным нам личным библиотекам его современников и людей его круга, например, Афанасия Холмогорского и др.²⁰, однако ее появление в какой-то мере было связано с общей для того времени библиофильской тенденцией в русской культуре. А сама подборка названий книг, как и многочисленные (в сравнении с книгами Александра Вятского) пометы, характеризуют Устюжского архиепископа как церковного деятеля нового типа, имеющего определенное тяготение к историческому знанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹К данным выводам мы пришли в результате нашей работы с документальными источниками по книжной культуре Устюжского края. См. также: Боцяновский В. К истории просвещения в Древней Руси XVII в.: Книги в Устюге Великом / Изд. ред. журн. Библиограф. СПб., 1892. С.17.

²Срезневский В.И. Отчет о поездке в Вологодскую губернию (Приложения) // ИОРЯС. Т.7, кн.4. СПб., 1909. С.225-228.

³Никольский Н.К. Рукописная книжность древнерусских библиотек XI-XVII вв.: Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переписчиков, справщиков и книгохранителей / Изд. ОЛДП. Вып. 1 (А-Б). С.28-29.

⁴Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. С.124-127.

⁵Никольский Н.К. Рукописная книжность древнерусских библиотек... С.129.

⁶Луппов С.П. Книга в России XVII в. Л., 1970.

⁷Подробнее о деятельности Александра Вятского см.: Субботин Н.И. Материалы по истории раскола. Т.1-9. СПб., 1875-1894; Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882; Верещагин А. Из истории Вятской епархии. Первый епископ Вятский Александр (1658-1674) // Тр. Вят. учен. архив. комиссии 1908 г. Вятка, 1909.

⁸Документы о судебных процессах см.: Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч.1. СПб., 1890; Боцяновский В. К истории просвещения в Древней Руси... С.17.

⁹Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. С.93; Саваитов П.И. Описание Великоустюжского Архангельского монастыря и приписанного к нему Троицко-Гледенского монастыря. СПб., 1848. С.22.

¹⁰БАН 45.10.8. Кормовая книга Коряжемского Николаевского монастыря.

¹¹Пользуясь случаем, приносим благодарность Т.В.Буланиной,

сообщившей, что данный список "Риторики" относится к группе списков ранней редакции.

¹²*Петров П. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в г.Киеве. М., 1904. Вып.3. С.54-56.

¹³Приносим благодарность В.П.Будорагину и А.Т.Шашкову, сообщившим о местонахождении этих рукописей.

¹⁴См.: *Клепиков С. А.* Описание древних русских обиходных переплетов// Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып.2, ч.1. М., 1976. С.51-61.

¹⁵См.: *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки культурной жизни XVI-XVII вв. Л., 1977; *Луппов С. П.* Книга в России XVII в., Л., 1970.

¹⁶*Румовский Н.* Описание Великоустюжского Успенского собора. С.124.

¹⁷Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Т.12, N 217. СПб., 1890.

¹⁸*Клепиков С. А.* Описание древних русских обиходных переплетов. С.71, 279, 283, 423.

¹⁹См. о нем: *Луппов С. П.* Книга в России XVII в. С.177, 184.

²⁰О личных библиотеках конца XVII в. см.: *Луппов С. П.* Книга в России XVII в. С.97.